

◀ Ч. РОБЕРТС ▶

В СЮДУ ЧУЖОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЦЕНА
9
КОП./к.

В. Сайчук

Главлит № 99391.

Гиз № 21029.

Тираж 50 000 экз.

Типография Госиздата „Красный пролетарий“. Москва, Пименовская, 16.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕЧКА

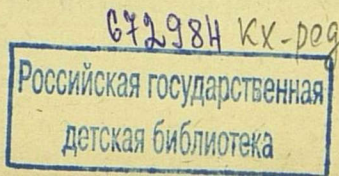
ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Рисунки В. Сайчук

ВСЮДУ ЧУЖОЙ

На краю луга, омываемого скрывающей­ся в лесу задумчивой тихой речонкой Девеком, стояла одинокая хижина лесника. Стояла хижина в лесной глуши, далеко от всякого жилья. За хужиной стоял наскоро сбитый сарай, наполненный душистым сеном, а около этого сарая приютилась мазанка, сколоченная из бревен, заплетенная хворостом и вымазанная глиной. Все это устроил себе лесник в августе. Он решил обзавестись хозяйством. Захотелось леснику иметь в своем одиночестве доброго товарища, который к тому же и кормил бы его, и стал он мечтать о том, чтобы купить себе корову. Для этого будущего товарища собрал он в сарай сено, для него-то и построил мазанку и тщательно законопатил ее мхом и глиной.

Когда все было готово, лесник отправился в поселок торговать себе корову, которая дав-

но уже ему приглянулась. Это была маленькая красная корова, с крутыми рогами.

К своему удовольствию, лесник скоро сошелся с хозяином коровы в цене и на радостях купил своей корове колокольчик побольше и позвучнее, чтобы легче было разыскать ее, если она отобьется от жилья далеко в лес. Навесив корове на шею колокольчик, лесник, довольный, отправился домой.

Круторогая красная корова скоро освоилась с новым местом. Ей понравилось и сено, посыпанное солью, и мягкая зелень лужка, и тихие заливные берега речки Девека. Она с важностью прогуливалась по лужку, постоянно давая знать о себе, леснику позваниванием колокольчика, и лесник не чувствовал себя уже таким одиноким.

В том году выдалась необыкновенно засушливая осень. Раньше обыкновенного опали листья с деревьев, опали, не успев позолотить лес новым, красивым убором. Потом в лесу стал распространяться густой туман, сквозь который солнце казалось огненным шаром. Туман этот был совсем особенный, не такой, какие обыкновенно бывали здесь туманы, и старый лесник с беспокойством при-

нюхивался к доносившему ветром воздуху, догадываясь, что где-то далеко начался лесной пожар.

Лесной пожар—страшное бедствие для лесных обитателей. Все они бегут, почуяв его. Но кругом было все спокойно, и лесник стал тоже успокаиваться, решив, что пожар слишком далеко от этих мест и не угрожает ему опасностью. Решив так, лесник захотел воспользоваться сухой погодой и сходить в поселок, чтобы закупить еще кое-что себе на зиму, и вернуться в тот же день к ночи.

С утра в тот день, когда лесник ушел, ветер стал задуть сильнее. После обеда разыгралась настоящая буря, и далекий лесной пожар, который начал было стихать, разгорелся внезапно со страшной силой. Голодные языки пламени с неистовством лизали сухую траву и с страшной быстротой распространялись все дальше и дальше. Охватывая деревья, кустарники, пламя скоро домчалось до уединенной хижины лесника, и не прошло и нескольких минут как от этого мирного приюта остались только тлевшие головешки. Разъяренное пламя, жадно слизывая все попадавшееся ему на дороге, перескочило через

реку и помчалось дальше на север совершать свою разрушительную работу.

Прошло несколько дней, пожар затих, и только тогда решился лесник вернуться к себе в хижину. С разбитым сердцем стоял он на том месте, где так недавно еще был его домик. От него осталась только одиноко торчавшая среди груды тлевших головешек печка, казавшаяся особенно большой и страшной. Грустно поник головой лесник, увидав, как погибло все то, над чем он столько трудился. Побрел лесник к поселку, к чужим людям, у которых ему надо было теперь просить приюта.

Когда лесник по стоявшему в лесу туману понял, что где-то вдаль начался пожар, красная круторогая корова тоже начала с беспокойством осматриваться. И в тот день, когда лесник ушел в поселок, корова скоро поняла, что надвигается страшная опасность, и ей вовремя удалось спастись от нее. Как только она увидела далеко от себя пламя, она бросилась бежать, но бросилась не в ту сторону, куда дул ветер, а вбок. Перешла речку, безумно помчалась по лугу за речкой и, ломая кусты, натыкаясь на деревья, бежала все

дальше и дальше. Огненная стихия осталась в стороне, и скоро она очутилась в совершенно безопасном месте. Но и тут она не могла успокоиться; в ушах ее все еще раздавался рев урагана и треск горевших деревьев. Дико озираясь огромными глазами, с широко раздувающимися ноздрями, она бежала все дальше и дальше и остановилась только в глубоком овраге, совершенно выбившись из сил.

На следующий день корова побрела дальше, пока наконец не пришла к речке Девеку, по берегам которой были луга. Жадно стала она пить воду. Травы было тут в изобилии, да, кроме того, на окружающих холмах были молодые поросли березы и ивы; можно было полакомиться их молодыми, сочными побегами. Когда стала спускаться темная осенняя ночь, корова или по привычке, усвоенной на скотных дворах, или по какому-то инстинкту начала искать себе убежища. Она забралась в глубокий овраг и нашла там нечто вроде пещеры, густо обросшей со всех сторон кустарниками и деревьями. Тут ей было так же удобно и покойно, как раньше в стойле, и,

улегшись здесь головой к выходу, она чувствовала себя довольно безопасно.

Хотя все эти леса около Девека изобиловали зверями, но—удивительное дело!—куда бы ни двигалась круторогая красная корова, она нигде никого не встречала: вокруг нее как будто все вымирало. Причиной этому был колокольчик на ее шее. Куда бы она ни двигалась, колокольчик звенел, и все лесные обитатели разбегались подальше, слышав его. Ночью, когда корова спала в своем убежище, к ней не один раз подкрадывался какой-нибудь хищник, но стоило корове повернуть головой, как звонил колокольчик, и хищник в испуге скрывался. Ни один медведь, волк, даже пантера (а в этой местности в это время жили две пантеры) не решались померяться силами с этим удивительным существом—красной коровой—с таким неслышанным и непонятным никому голосом.

Беспечно жила в лесу корова до тех пор, пока выпал снег и покрыл толстым слоем траву на лугах. Наступившие затем холода, северные ветры и глубокий снег, залегший в ноябре—испугали корову. От резкого холодного ветра можно было укрыться только

в убежище во рву. Но укрыться от холода—одно дело, а утолить свой голод—другое. Корова пробовала было разгребать снег копытами и докапываться до травы, но это становилось все трудней и трудней, да и докопавшись до травы, она находила ее так мало, что нечего было и думать утолять ею голод. Она стала обглаживать молодые, торчащие из снега побеги на холмах и хотя сытой не бывала, но спасалась от голодной смерти. Когда явилась наконец запоздавшая весна, в жизни пустынницы-коровы произошло важное событие: у нее родился теленок. Теленок происходил от породистого отца, дурхамской породы, был черного цвета. Когда теленок стал подрастать, в нем резко обозначилась порода отца—сильная, широкая грудь, крепкие ноги. Ноги его были не только сильны, но и ловки. Он мог бежать с быстротой лани, а удар копытом был бы смертелен для неосторожного врага.

Лето прошло для этой пары чужих в лесу существ без всяких приключений. Корма было в изобилии на лугах, и не являлось никакой надобности отправляться в лесную чащу, где можно было наткнуться на какую-нибудь

опасность. Но такая спокойная жизнь имела и невыгодные стороны: молодая мать, круторогая корова не имела того инстинкта, которым обладают дикие матери. Она не могла научить своего молодого сына двум важным в жизни диких обитателей леса вещам: как заготавливать себе на зиму пищу и как уберечься от врагов. На некоторое время, впрочем, и мать и сын были предохранены от опасностей. Спасительный колокольчик на шее коровы делал свое дело—необычайные его звуки пугали всех зверей, и молодому теленку не угрожала никакая опасность.

Только один раз, уже поздней осенью, пришлось бычку столкнуться с пантерой. Бычок лежал с своей матерью на солнышке на лугу у опушки леса, беззаботно и с аппетитом жуя жвачку. В это время длинная пятнистая пантера, совершая свой путь, неожиданно наткнулась на этих новых жильцов пустыни и уставилась на них. Она не была голодна, но в ней сразу же зажглось любопытство, и пантера стала бесшумно подкрадываться; глаза ее разгорелись, и, подкравшись шагов на двадцать к матери с сыном, она остановилась в выжидательной позе.

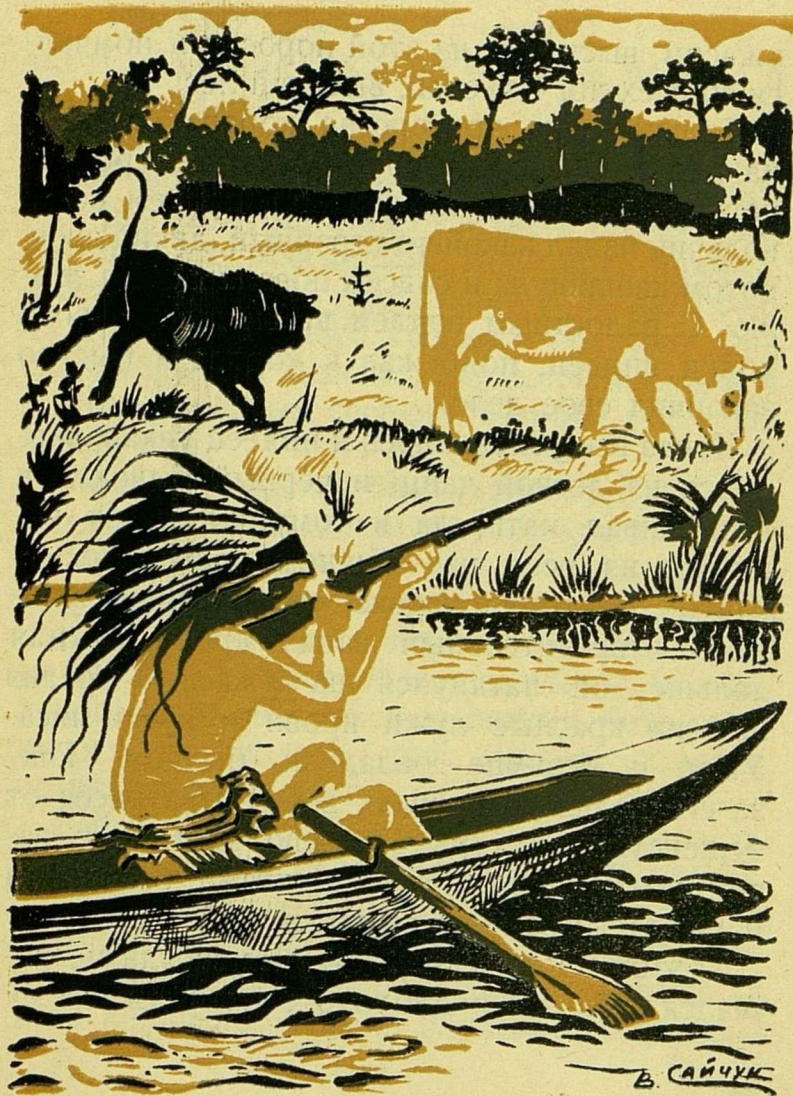
Красная круторогая корова сразу же почуяла смертельную опасность, быстро вскочила на ноги, зазвенев своим колокольчиком, и нагнула голову, угрожая своими рогами страшному врагу. Тотчас же отскочила пантера назад, пугливо поджав хвост и боязливо оглядываясь на странного зверя. Молодой черный бык составил о ней крайне невыгодное для пантеры представление. Ему и в голову не могло прийти, что не рога матери напугали кровожадного зверя, а необычайный звук колокольчика.

То же самое было и с медведями, которых водилось много в этих местах. Не будь этого колокольчика, они не задумались бы потягаться с рогами коровы. Бычок ни разу даже не видал вблизи медведя, а ему приходилось только несколько раз наблюдать издали, как медведь со страхом удирал от матери-коровы, и он стал презрительно относиться к этим трусишкам-медведям.

Однажды явились к убежищу две пантеры и устали на мать с сыном свои желтые, светлые злые глаза. Но и они не решились все-таки приблизиться. Корова встряхнула головой и устала в них угрожающе свои рога.

Бычок тоже сердито тряхнул головой и с угрозой выставил свой широкий лоб с торчащими маленькими колючими рогами. Пантеры скрылись мгновенно. Ужас обуял их, но, конечно, не потому, что они испугались рогов матери или свирепого взгляда сына, а ужас этот нагнал на них все тот же страшный и непонятный им звук колокольчика.

Однажды, когда лето подходило к концу, трава на холмах стала желтеть и листья с деревьев осыпаться, по речке Девеку плыл в лодке индеец, направляясь к устью реки, в море. На глаза ему попала пасшаяся мирно корова. Индеец хорошо знал, что тут в окрестностях не было никакого поселка белых людей, а следовательно, корова эта отбилась от стада и теперь не составляла ничьей собственности. Индейцу нужно было мясо, из кожи коровы он мог наделать себе и семье своей мокассинов. Он это сообразил, достал ружье, прицелился; раздался короткий, сухой звук выстрела, и все замерло вокруг. Бычок, пасшийся в это время в низкой поросли, услышав необычайный звук выстрела, пораженный неведомым ему до тех пор

ужасом, выскочил из этой поросли и помчался со всех ног в густой, высокий лес.

Только одна круторогая корова осталась на месте. Она сразу опустилась на передние ноги, резко тряхнула головой, причем колокольчик издал какой-то странный, дикий звон, потом кашлянула и совсем повалилась на землю. С радостным воплем выскочил из своей лодки индеец, подбежал к корове и быстро закончил свое дело.

Когда все успокоилось и индеец уехал, вернулся из лесной чащи и черный бычок. Он разыскивал мать, да к тому же хотел напиться из реки на обычном месте. Но когда он подходил к реке, его обоняние уловило отвратительный запах крови, а идя дальше, он наткнулся на ужасное зрелище—на красные лужи крови и куски мяса. Ужас и безумие овладели бычком. Глаза его налились кровью, весь он затрясся от бешенства, стал рыть землю копытами, затем поднял хвост и, с полными бешенства и ужаса глазами, скрылся в чаще леса.

С этой поры черный бычок никогда не решился и близко подходить к этому ужасному

месту. День за днем он одиноко бродил и звал свою мать.

Снова явилась осень на берегу Девека. К этому времени черному быку исполнилось уже два года; он стал огромным быком, широкоплечим, массивным. Короткие, прямые, заостренные рога угрожающе торчали с обеих сторон широкого крепкого лба. Его массивная фигура казалась очень внушительной и грозной лесным соседям, которые сталкивались с ним.

Молодой черный бык увидел теперь, что лес не был вовсе таким пустым, как это казалось ему раньше. С тех пор, как прекратился звон медного колокольчика, его лесные соседи не прятались от него. Теперь он нередко наблюдал змеинообразную выдру, охотившуюся за рыбой, красную лисицу, тихо крадущуюся по поляне, или хитрую ласочку, истребляющую зайчат.

Раз бык лежал под красным кленом и лениво пожевывал молодой сочный побег деревца, наблюдая, как шагах в десяти от него тер свои ушки крслик. Вдруг перед ним бесшумно встала какая-то серая тень и скрыла от него кролика. Раздался резкий писк, слабый

шорох, и затем рысь, запустив когти одной лапы в свою жертву, обернулась к темной огромной фигуре быка, лежавшего под кленом. В том взгляде, которым рысь глядела на быка, был несомненный вызов. Движимый любопытством и негодованием, молодой бык вскочил на ноги, заворчал, ударил несколько раз копытами о землю и выскочил к дерзкому врагу. Но рысь, очевидно, сообразила, что в данный момент она не готова к борьбе; к тому же она была голодна, а потому, схватив зубами задушенного кролика, она в несколько прыжков очутилась в лесу, далеко от быка.

Через несколько дней, когда бык опять лежал у своего клена и беззаботно поглядывал на окрестности, мимо него ленивой походкой тянул на водопой своей излюбленной тропой медведь. Бык тотчас же вскочил на ноги и принял оборонительно-угрожающую позу; он почувствовал, что перед ним находился страшный враг. Но медведь, досыта наевшийся лесных ягод, был в самом мирном и добродушном настроении. Он бросил на быка косой взгляд своих маленьких лукавых глаз и, не обращая внимания, двинулся дальше. И

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕЙ

ДЕТГИЗА

бык, видя, что нет, повидимому, никаких поводов к ссоре, сомнительно посопел, раздув ноздри и проводив удалявшегося медведя сердитым взглядом, снова улегся на свое любимое место.

Другой раз бык столкнулся с медведем, возвращаясь с водопоя. Медведь был, повидимому, удивлен и остановился. Затем он несколько присел на задние лапы и как будто намеревался свернуть с дороги и обойти быка. Но он остался на месте. Бык же испытывал совсем иное: он пришел в бешенство и с сердитым ревом, подняв хвост и опустив голову, бросился на врага. Медведь, ловко уклонившись от первого удара и отскочив в сторону, приподнял переднюю лапу и нанес ею здоровенный удар быку по загривку. Удар пришелся, к счастью для быка, по тому месту, где мускулы были особенно сильны и натянуты, как веревки, иначе медведь переломил бы этим ударом шею быка. Бык упал на передние лапы, обливаясь кровью из раны. Он сразу сообразил, что ему не под силу тягаться с взрослым медведем. Рыча от боли, он поднялся на ноги, устремился в лес и скрылся в своем убежище, в овраге. И когда через несколь-

ко дней ему снова довелось повстречаться с медведем, он поспешил свернуть с дороги и скрылся в лесу.

В то время, как черный бык страдал еще от незажившей раны, в эти же места явился лось с огромнейшими рогами. Лось был чрезвычайно удивлен при виде коротконового черного зверя, очевидно, принадлежавшего к его семье.

Произошла эта встреча в тот период, когда лось искал себе подругу, и потому удивление его сейчас же перешло в крайнее негодование. Черный бык, не придавая особенного значения этой встрече, по обыкновению своему заревел. Лось ответил грубым переливным ревом, бросился к нему сквозь кусты и угрожающе выставил свои огромнейшие рога, готовясь к нападению. Удивленный и оскорбленный бык смело стоял на своей позиции и при первом нападении грозил лосю своими рогами в лоб между развесистых лосиных рог. Но, несмотря на свою смелость, бык не был настолько крепок и силен, чтобы выдержать натиск такого сильного противника, и после нескольких минут борьбы был согнут с ног и скатился в воду.

Весь следующий день черный бык тихо страдал, но когда настала ночь, он, полный негодования, и с глазами, налитыми кровью, отправился на откос—место вчерашнего поединка. Он увидел опять лося, но теперь уж не одного, а с подругой, которая нежно облизывала шею и уши своего друга. При виде этого бык загорелся вдруг безумным бешенством. Но лось, которому теперь мешали, был гораздо опаснее, чем накануне ночью. С быстротой вихря бросился он на дерзкого быка, и молодой бык был в мгновение ока опрокинут. Не прошло и пяти минут, как он был жестоко искалечен и с жалобным ревом бросился в кусты. Несколько недель не решался он после этого показаться на открытых местах, прятался в кустах и зализывал свои раны, стараясь примириться с тем унижением, которое он перенес.

Когда явилась следующая весна, бык окончательно возмужал и окреп. Ему теперь было уже три года; он все чаще и чаще испытывал какую-то непонятную тоску.

Стали выходить из берлог своих голодные медведи, но бык теперь был достаточно силен чтобы бояться их. Он с яростью бросался

на каждого медведя, который попадался ему на глаза.

Однажды после обеда в жизни быка случилось новое событие. Раздраженно бродил он недалеко от реки, как вдруг услышал голоса, которые привлекли его внимание. Бык стал зорко и гневно всматриваться туда, откуда шли голоса. В это время по реке вверх по течению плыла лодка, гребли двое. Всматриваясь в сидевших в лодке людей, бык стал вспоминать нечто ужасное из своей жизни. Он вспомнил резкий, короткий выстрел, вследствие которого он обезумел от страха в тот день, когда исчезла красная круторогая корова. Он вспомнил ужасное зрелище крови и мяса на лугу у реки, на том месте, которого он уже не посещал с тех пор. И глаза его сразу налились кровью. С бешеным ревом устремился он вниз с холма и бросился прямо в реку к лодке.

Люди, плывшие в лодке, были очень удивлены, но тотчас же сообразили, что положение их небезопасно и стали грести к другому берегу. Один из них положил весла и потянулся за ружьем. Но другой стал его отговаривать:

— Ну, зачем стрелять в него? Разве это охота? Зачем нам этот бык, будь это лось— другое дело. Отъедем немного, и он до нас не доберется. Оставь его.

— Ладно,—отвечал другой, кладя ружье и снова берясь за весла.—Но посмотри-ка на него: ведь он великолепен. Только, должно быть, бешеный. Как, однако, он мог попасть сюда, как ты думаешь?

— Заблудился, должно быть, отбившись от стада.—И говоривший это снова налег на весла, борясь с течением, которое относило лодку назад.

Путешественники продолжали свой путь в лодке, изворачиваясь между камнями и мелями, но и бык, снедаемый яростью, не отставал от них и брел по брюхо в воде, иногда увязая в тинистом берегу, захлебываясь водой, но не спуская с людей в лодке налитых кровью глаз. Наконец он попал на глубокое место, стал тонуть и, видя, что ему не угодиться за лодкой, начал выкарабкиваться на берег. Но и выйдя на берег, он все-таки продолжал еще несколько верст следовать за лодкой, пока не завяз в болоте. Бык стал обходить болото, а лодка в это время совер-

шенно скрылась от него в извилистых поворотах реки.

Теперь он очутился в совершенно неизвестных ему местах за много верст оттуда, где он привык жить до сих пор. Его ярость и раздражение против людей уже угасли, и вместо этого какой-то инстинкт заставлял его идти за ними все дальше и дальше. Инстинктивно он чувствовал, что только там, где живут эти люди, он может облегчить свое ужасное одиночество.

Он обошел болото, снова вышел на берег реки и поплелся вверх, время от времени останавливаясь, чтобы попасть на сочном лугу и утолить свой голод.

Путешествуя таким образом дня два, бык вступил в выжженную часть леса. Его любопытство возбудила черная труба, торчащая среди обуглившихся развалин недалеко от реки. Поскорее двинулся он через пожарище и в исходе четвертого дня своих поисков вступил на пастбище, бывшее около поселка.

Здесь он наткнулся на изгородь. С удивлением остановился он перед нею и стал фыркать. Там, за изгородью, вырисовывалась какая-то фигура, похожая на него самого, толь-

ко красная с белым. Животное это встало и с удивлением стало разглядывать пришельца. Не будь это животное такого цвета, бык решил бы, что это его красная круторогая мать, которая исчезла так неожиданно два года назад. Да, это что-то родное. Это и есть предмет его исканий. С земли поднялось еще две-три коровы и несколько телят. Он перегнулся к ним через изгородь, нежно стал ворчать, и коровы поглядывали на него с дружелюбным интересом. И вдруг, заревев от безумной радости, бык бросился всей силой, всей тяжестью своего тела на изгородь, проломил ее и очутился среди стада, полновластным господином которого он становился с этого момента. Ни от кого не последовало никакого протеста. И коровы и телята сразу признали права владычества над ними этого черного иноземца, и скоро черный бык стал мирно и покойно пастись среди стада.

А к этому времени два путешественника в лодке, которые повстречались с быком, вернулись в поселок и рассказали о своей странной встрече с быком. В то время как они рассказывали об этом приключении не-

большой кучке слушателей, собравшихся в бакалейной лавочке, среди собравшихся был и лесник, хижина которого в лесу сгорела несколько лет тому назад; лесник этот с большим интересом прислушивался к рассказу.

— Готов побиться о какой угодно заклад, что это мой бык!—воскликнул он возбужденно, выслушав рассказ.—Этот бык, должно быть, от той красной коровы, которую я купил здесь еще до пожара.

Лесник стал рассказывать, как было дело, и слушатели скоро согласились, что, пожалуй, лесник был и прав.

Когда несколько дней спустя, старик лесник, пойдя на пастбище доить коров, заметил среди стада огромную фигуру быка, он сразу же догадался в чем дело. К счастью для себя, старик, увидев быка, тотчас принял меры предосторожности. Вместо того, чтобы идти по обыкновению с ведром на луг, он отпер ворота, а сам стал около скотного двора и начал подзывать коров. Услышав знакомый зов, коровы подняли головы и лениво поплелись к открытым воротам, которые были несколько в стороне от дома и от скотного двора. Бык тоже поднял голову. Он увидал

человека, и глаза его сразу налились кровью. Он стал взрывать копытами землю, поглядел диким взглядом на удалявшихся от него коров и устремился прямо на неизвестного ему врага.

Старик лесник заметил, что бык устремился не к воротам, а к изгороди.

«Ну, изгородь остановит его, и он остынет»,—проговорил про себя лесник, вполне полагаясь на прочную изгородь.

Но не тут-то было. Прочные столбы дрогнули и рассыпались под напором быка. Лесник покачал головой и вскочил в конюшню, захлопнув за собой дверь.

Бык был чрезвычайно удивлен внезапным исчезновением своего врага, остановился на минуту, стал фыркать, потом бросился вокруг конюшни поглядеть, не спрятался ли его враг с другой стороны. Раза два обежал он безуспешно вокруг конюшни, ярость его все увеличивалась, так как он не мог ни на чем дать ей выхода. Вдруг он увидал лицо человека, спокойно наблюдавшего за ним в окно конюшни.

Бык остановился перед окном, стал яростно взрывать копытами землю, реветь и нагнул голову, собираясь броситься.

Старик лесник не знал, как ему быть. Очень хотелось ему иметь в своем стаде такого великолепного быка, но, с другой стороны, он начинал соображать, что трудно с ним иметь будет дело. Лесник решил скрыться в дом. Он открыл дверь конюшни и в то время, как бык устремился за ним, взобрался на сеновал и оттуда спустился с другой стороны конюшни. Ему хотелось обежать конюшню и запереть дверь, чтобы вместе с тем запереть и быка. Но это ему не удалось. Бык, не найдя человека в конюшне, выскочил оттуда, и леснику пришлось напрячь все свои силы, чтобы спастись в дом. Едва лесник вскочил в кухню и запер за собою дверь, как бык, бежавший за ним по пятам, уперся в эту дверь и стал в бешенстве рыть землю и реветь.

«Как быть? Что мне с ним делать?»—раздумывал лесник.

Потом он обернул голову и побежал к дороге. По направлению от дороги раздавались звонкие детские голоса, и старик лесник, взглянув туда, куда направился бык, к ужасу своему увидел группу детей, беззаботно и весело направлявшихся в школу. Среди де-

тей он увидал девочку, одетую в красное платье. Бык тоже заметил ее. Он сразу же забыл о своем враге в кухне. Дико заревел он, взмахнул хвостом и помчался к дороге.

Думать было некогда. Лесник схватил со стены всегда висевшее наготове ружье, сбежал с крыльца кухни и закричал на быка. Огромное черное животное остановилось и стало озираться, глухо ворча. Бык, повидимому, начинал колебаться, не вернуться ли опять к прежнему врагу. Потом он снова обернулся к дороге и стал разглядывать детей. К какому врагу устремиться скорее?

Пока бык раздумывал таким образом, прозвучал выстрел, и свинцовая пуля впилась быку между лопаток. Он двинулся вперед и упал на передние ноги. Еще момент—и бык повалился на бок.

Старик лесник подбежал к упавшему быку. Он уже был мертв. Глаза старика наполнились слезами.

— Погиб! — проговорил лесник. — Погиб, бедняга. Лес не принял тебя, и к людям ты не мог приспособиться. Всюду чужой ты был. Какая же тебе выпала тяжелая доля, и как мне больно, что я же и погубил тебя!

Пров. 1969

ДЕШЕВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА

ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

БАРТО, А. Гусенок. Стр. 12. Ц. 5 к.

БАРТО, А. Книжка про Мишку. Стр. 13. Ц. 5 к.

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

АКУЛЬШИН, Р. Машка-пеночница. Стр. 13. Ц. 5 к.

АУСЛЕНДЕР, С. Октябрь. Стр. 11. Ц. 5 к.

АУСЛЕНДЕР, С. Ребятишки и малыши. Стр. 12. Ц. 5 к.

БАРШЕВА, М. Из-за репки. Стр. 26. Ц. 9 к.

БАРШЕВА, М. Ленька в городе. Стр. 27. Ц. 9 к.

БАРШЕВА, М. Ленька в деревне. Стр. 26. Ц. 9 к.

БИАНКИ, Б. Кукушенск. Стр. 15. Ц. 4 к.

КИТКОВ, БОРИС. Дяденька. Стр. 16. Ц. 12 к.

КИТКОВ, БОРИС. Про слона. Стр. 16. Ц. 10 к.

АМИН-СИБИРЯК, Д. О том, как жила-была последняя муха. Стр. 13. Ц. 5 к.

АМИН-СИБИРЯК, Д. Про храброго зайца. Стр. 12. Ц. 5 к.

АМИН-СИБИРЯК, Д. Старый воробей. Стр. 30. Ц. 9 к.

ИНАЕВ, К. Гуляка. Стр. 15. Ц. 5 к.

ИТЧЕЛЬ, Л. С. Как Боря гулял по Нью-Йорку. Стр. 28. Ц. 9 к.

ИТЧЕЛЬ, Л. С. Небоскреб. Стр. 12. Ц. 5 к.

ИЛОНСКАЯ, ЕЛИЗАВЕТА. Часы. Стр. 15. Ц. 10 к.

ОБОДИНА, М. Аленкина книжка. Стр. 15. Ц. 5 к.

ОЛОВОВО, А. Собака. Стр. 26. Ц. 9 к.

ОРАХОВСКАЯ, Е. Электрическая курица. Стр. 12. Ц. 5 к.

ОБРАЗЦОВА, ЕЛЕНА. Калининские ходоки. Стр. 13. Ц. 5 к.

80-

